

Углеводородная отрасль России в условиях санкций: возможности компенсации за счет сотрудничества с КНР

Аннотация. Введенные против России санкции уже коснулись трех крупнейших российских энергетических компаний – «Роснефти», «Транснефти» и «Газпрома», которым ограничивается доступ к кредитованию и технологиям. Уже объявленный в США запрет на российские углеводороды, планы ЕС поэтапно сократить зависимость от российского газа и через несколько лет уйти от нее полностью, аналогичные намерения Великобритании по нефти – все это, в добавление к же замороженному проекту Северный поток-2, чревато рисками нового порядка - резким снижением объемов углеводородного экспорта РФ на европейские рынки. Для РФ актуализируется задача анализа контрмер, в том числе тех, что возможны на пути уже установившегося энергетического взаимодействия с Китаем.

Ключевые слова. Углеводородная отрасль, санкции, России, КНР, энергоресурсы, экспорт

Объявленная коллективным Западом санкционная война нацелена на наиболее чувствительный сегменты российской экономики, включая энергетику и, в частности ее углеводородный сектор.

За счет добычи нефти и газа в последние годы формируется до 20 % отечественного ВВП, еще выше (до 40%) удельный вес нефтегазовых доходов поступлениях в федеральный бюджет, на долю углеводородов приходится, как правило, свыше половины товарного экспорта страны.

При этом география российских зарубежных поставок сложилась таким образом, что основные потоки оказались привязанными к Европе. На нее ныне приходится свыше 80 % процентов всего экспорта российского трубопроводного природного газа (в 2020 г. - свыше 167 млрд куб м из общего экспортного объема в 197 млрд куб м) и около половины российского экспорта СПГ. В Европу все еще направлена и большая часть (53 %) российских нефтяных поставок (в 2020 г. - 138 млн т из 260 млн т). Порядка 5% экспорта нефти и 10% - газа идут из РФ в страны СНГ; некоторые объемы нефти (около 4 млн т в 2020 г.) отправлялись в США. В восточном направлении на дальнее зарубежье (Китай, Япония, Южная Корея и другие страны АТР) пока приходится не более 12% экспорта российского природного газа и порядка 40% поставок из РФ сырой нефти.

Введенные против России санкции уже коснулись трех крупнейших российских энергетических компаний – «Роснефти», «Транснефти» и «Газпрома», которым ограничивается доступ к кредитованию и технологиям. Более того, уже объявленный в США запрет на российские углеводороды,

планы ЕС поэтапно сократить зависимость от российского газа и через несколько лет уйти от нее полностью, аналогичные намерения Великобритании по нефти – все это, в добавление к же замороженному проекту Северный поток-2, чревато рисками нового порядка - резким снижением объемов углеводородного экспорта РФ на европейские рынки.

На данный момент с учетом реального импортного энергобаланса на рынках Европы (в 2020 г. около 29 % импорта нефти и 56% - газа пришлось на поставки из России), эти риски умогрозительны, и реализовать свои декларации странам ЕС будет не просто. Для РФ актуализируется задача анализа контрмер, в том числе тех, что возможны на пути уже установившегося энергетического взаимодействия с Китаем.

Наработанный потенциал, а также экономические, технологические и иные лимиты и вызовы для РФ в сотрудничестве с КНР заключаются в следующем:

- Позитивным моментом следует считать политическую составляющую: Пекин в целом выступает против санкционной политики США, хотя и делает показательную оговорку, акцентируя именно китайские озабоченности: «в вопросе Украины и отношений с Россией США должны серьезно отнестись к опасениям Китая и никоим образом не ущемлять его права и интересы». Тем не менее, важно, что в санкционном контексте КНР заявила о «прочности российско-китайского сотрудничества в энергетике», подчеркнув, что «торговля по газу и нефти будет продолжена».
- Для Китая сохраняется высокая потребность в импорте и нефти и газа. Согласно ряду «газовых» прогнозов на 2025-2030 гг. доля импорта в КНР будет оставаться на уровне 45-50 % от потребления, а его объем с нынешних 120-130 млн куб м в год может возрасти примерно вдвое. Сходная картина имеется по импорту нефти: прогнозируется сохранение высокой зависимости КНР от зарубежных поставок (70-80% от потребностей) при продолжении роста объемов ввоза - с 512 млн т в 2021 г. до примерно 600 млн т в 2030 г.

Иными словами, потенциально у России имеется дополнительная ниша для нефтегазовых экспортных объемов, которые могут оказаться невостребованными в случае ужесточения западных санкций. Однако понятно, что доступ к ней предполагает конкурентную борьбу с другими экспортерами, зависит от уже имеющихся у Китая контрактов.

- Текущее сотрудничество РФ с КНР по теме и нефти и газа реализуется в рамках двух основных контрактов. Это соглашение о 20-летних поставках (начались в 2011 г.) в Китай нефти общим объемом 300 млн т по трубопроводному маршруту ВСТО с ответвлением на Китай, подкрепленное китайским долгосрочным целевым кредитом в 25 млрд долл.; и Договор 2014 г. сроком на 30 лет о ежегодных поставках

природного газа в объеме 38 млрд куб м по газопроводу «Сила Сибири» (из Якутии к границе с КНР).

Указанные проекты дополняются поставками нефти по железной дороге, импортом в КНР СПГ с российского Ямала (проект Ямал-СПГ), поставками определенных объемов нефти из РФ по трубопроводной системе Казахстана. Планомерно наращивая в последнее десятилетие углеводородный экспорт в КНР, в 2021 г. РФ была вторым по значимости поставщиком на китайский рынок нефти (79,64 млн т) и стала третьей среди мировых экспортеров сюда природного газа (12 млн.т с учетом СПГ). В стадиях проработки или реализации новые совместные проекты - Арктик-СПГ, Дальневосточный газопровод (с Сахалина), а также газопровод Сила Сибири-2 (ранее «Алтай»).

- Именно последний из них - обсуждаемый уже не один год проект газопровода Сила Сибири-2 (из Западной Сибири), дополненный маршрутом через Монголию (Союз Восток) и имеющий проектную мощность не менее 50 млн. куб. м в год, сегодня представляется растущей и актуальной альтернативой, которая способна в заметной мере компенсировать потери, грозящие России в случае той или иной формы отказа Европы от российского газа. Но еще более важным, чем просто цифры поставок (они будут расти и по мере выхода на проектную мощность Силы Сибири-1), видится то обстоятельство, что Сила Сибири-2 предполагает объединение газотранспортных систем европейской и азиатской части РФ. Пока оно отсутствует, и это делает технологически нереальной переориентацию нацеленных сегодня на Европу газовых маршрутов. С реализацией же Силы Сибири-2 Россия сможет осуществлять экспортные поставки газа с Ямала и других сопряженных регионов как на Запад, так и на Восток, появляется, таким образом, транспортно-логистическая возможность «переключения», в случае необходимости, направлений экспортных потоков.
- В аналогичном ключе, как инструмент компенсации рисков на западном направлении, может рассматриваться наращивание в КНР и нефтяных поставок. В частности, речь идет о более активной эксплуатации казахстанского маршрута, через который (в соответствии с соглашением между Москвой и Астаной) еще 2014 г. была предусмотрена перекачка в Китай российской нефти. Увеличение экспорта по этому маршруту уже намечено в российско-китайских соглашениях от февраля 2022 г., где речь шла об экспорте на запад КНР 100 млн т нефти в течение 10 лет. Дальнейшее увеличение объемов нефтяных поставок, зависит от ряда факторов, в том числе от пропускной способности соответствующих нефтепроводов. В любом случае благоприятным моментом здесь служит уже имеющаяся интеграция условно «западных» и «восточных» нефтепроводов, включая ветку Омск-Павлодар-Атасу-Алашанькоу. Это потенциально обеспечивает возможность диверсификации, смены направлений транспортировки с европейского на восток.

- Кроме этого, в условиях, когда Запад отказывается не только от закупок российских углеводородов, но и от сопряженного технологического сотрудничества с РФ (ноу-хау в добыче и разведке, технологии сжижения природного газа и т.п.) может быть востребована кооперация с китайскими партнерами и в этой сфере. По меньшей мере прямые и косвенные возможности на этом направлении должны быть тщательно проанализированы. В таком же анализе нуждаются и перспективы привлечения инвесторов из КНР «на замену» западным акционерам, отказавшимся от сотрудничества с российскими нефтегазовыми компаниями по ряду проектов (ВР и т.д.).
- В сегодняшнем энергетическом сотрудничестве с КНР есть немало проблемных вопросов. Так, эксперты видят проблемой текущую задолженность Роснефти по упомянутому в п.3 китайскому многомиллиардному кредиту, выданному в предоплату поставок нефти по ВСТО. Физические поставки пока отстают от графика погашений.

Имеются и вызовы системного порядка, имеющие отношение к теме «экспортной углеводородной иглы». Усиление ориентации российских нефтегазовых поставок на Китай, объективно повышает зависимость России от китайского рынка, делая её позиции уязвимыми, в частности, в вопросах ценовой политики.

Поэтому насущной по-прежнему является задача диверсификации - как за счет максимального сохранения присутствия на европейском и других освоенных углеводородных рынках последних лет (Япония, Южная Корея, Тайвань), так и путем расширения сотрудничества с третьими игроками, в том числе с Индией. При этом, как ныне становится еще более понятно, полноформатное решение темы «нефтегазовой иглы» лежит в плоскости резкого модернизации всего производственного комплекса России, общего системного рывка в развитии России.

Подготовлено 21.03.2022

*Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук,
заместитель директора по науке, руководитель Центра «Россия, Китай,
мир» ИДВ РАН*

Профиль: <https://www.ifes-ras.ru/person/213>

E-mail: uyanaev@ifes-ras.ru